

Ольга Мяхар, Дарья Ковальская

**ДНЕВНИК НЕУДАЧНИЦЫ. НАЧАЛО ПУТИ
Я И МОЙ ЛЕТУЧИЙ МЫШЬ
БЫТЬ БАРДОМ НЕПРОСТО**

Ольга Мяхар

**АГЕНТСТВО МАГИЧЕСКИХ КАТАСТРОФ
ОСОБО ОПАСНАЯ ВЕДЬМА
АНГЕЛ
МУТАНТКА
НЕПОДДАЮЩАЯСЯ
ДНЕВНИК МАГА
НОВАЯ ЖИЗНЬ
А ОБЕЩАЛИ СКАЗКУ...
ДНЕВНИК КОТА МАГА**

Ольга Мяхар, Дарья Ковальская

Быть бардом непросто

Роман

Москва, 2013
ЕАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
М99

Художник
О. Бабкин

Мяхар О. Л., Ковальская Д. А.
М99 Быть бардом непросто: Фантастический роман. —
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 311 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1452-9

Темные эльфы — дети ночи. Их шаг подобен движению ветра, а острые подвижные ушки прекрасно распознают даже самый слабый шорох. Они лучшие убийцы, красота которых завораживает, а образ пугает детей по ночам... Но из любого правила бывает исключение, и им стал наш герой Эзофториус, который выбрал путь барда и пацифиста. А что из этого вышло, читайте сами.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1452-9

© Мяхар О. Л., Ковальская Д. А., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ПРОЛОГ

У-у-у, у-у... жил да был темный эльф на горе...
И его ненавидели все.
Только песня совсем не о том,
Как не ла-а-адили лю-у-уди с эльфом.

Говоря-а-ат, не повезе-о-от,
Если темный эльф дорогу перейдет.
А пока — наоборот,
Пым-пым-пырым, пырым-пым-пым...
Только темному эльфу и не везе-о-от.

— Хм, а неплохо получилось. Песни мага Антониуса очень даже поддаются небольшой переделке, и это уже практически мое собственное творчество! Хотя... Нет. Это никуда не годится.

...Звук рвущейся бумаги... Тихое ржание лошади... Громкий стрекот кузнечиков, зазывающих самочек своей песней.

По проселочной дороге мимо полей и холмов, медленно переступая копытами, бредет молодая лошадка с рыжей гривой и загадочным взглядом. На ее спине задом наперед, скрестив босые ноги и удерживая на них небольшой листок бумаги, покачивается юноша. Если быть точными, то эльф, а если еще точнее, то темный эльф — один из тех, которые отличаются черным цветом кожи, отвратным нравом и нежной любовью к оружию, пыткам и боли. С ранних лет детей этого народа обучают составлению ядов и владению всеми видами холодного оружия. Детям рассказывают на ночь жуткие сказки о погибших во цвете лет принцах и принцессах, которых доконали их любовь к прекрасному и полное отсутствие интереса к пыткам. Детей не целуют на ночь, им не дарят мягкие игрушки и не дают заводить друзей...

Но даже все это — трудности воспитания, знатные родители и давление общественного мнения — не смогло сделать из нашего эльфа жестокого убийцу со стальными нервами. Скорее наоборот. Нервы оказались слегка расшатанными, а идеи, которые царили в его голове, в понимании сородичей были одна ненормальнее другой.

Начнем с того, что эльф всегда любил цветы. Между спаррингами с партнерами он убегал на край поляны и своим пением созывал птиц и зайцев. После чего гладил их, тормошил и целовал в мокрые носики. Родители и партнеры по спаррингу были в шоке. Как-то раз всю собравшуюся на песню живность перестреляли прямо у него на глазах, после чего зажарили на ужин. У эльфа дня три наблюдался глубокий эмоциональный шок. Он бросался на сородичей, пытался убить стрелявшего, кусался и обещал страшно отомстить. Его успокоили.

Или вот еще. В то время как все молодые эльфята предпочитали есть грубую пищу с большим количеством питательных волокон — для улучшения пищеварения и белизны зубов, — наш таскал из ближайшей деревни пироги. Причем ладно бы сам травился пищей селян. Так нет же. Он собирал по ночам у костра других детей, раздавал пирожки и рассказывал ненормальные сказки о потерявшей туфельку, а не ножку или ручку принцессе. Он даже показывал кукольные представления с помощью грубо вырезанных деревянных поделок, в этих сказках все жили долго и счастливо. Короче, эльф отравлял умы и души будущего поколения, за что однажды был пойман и примерно наказан по законам своего народа. Его повесили вверх ногами на скале и оставили так висеть на три дня и три ночи без еды и воды. При этом днем страдальцу необходимо было отбиваться от падальщиков, которые кружили над ним и изредка спускались вниз, чтобы проверить, созрела ли добыча, а ночью несчастный сражался со змеями и мошкаррой. Думаете, это его остановило? Напротив, с тех пор он стал еще более яростным поборником добра и справедливости, чем опозорил не только себя, но и всю свою семью.

В день совершеннолетия эльф вошел в тронный зал с ярко-розовым ирокезом и густо обведенными чем-то сереб-

ристым глазами. Одет он был в тонкую атласную рубашку и переливающиеся на солнце штаны из кожи химеры. Кисти рук скрывали тонкие кружева, шею оттеняло пушистое жабо, а высокие сапоги, обшитые монетками, колокольчиками и метательными звездочками, слепили глаза, отражая свет солнца... Длинные розовые ногти, заостренные на концах, завершили образ бунтаря и вызвали гробовую тишину в зале. К слову сказать, в тот день в тронном зале собрались все ближайшие и не очень родственники эльфа, дабы поздравить его с совершеннолетием и женить на прекрасной эльфийке, которая уже сейчас поражала сородичей своими свирепостью, беспощадностью и любовью к убийству. В душе родители ходячего недоразумения надеялись, что девушка (истинная дочь своего народа) хоть как-то повлияет на непутевого отпрыска. Но было уже поздно.

Эльф произнес небольшую речь, в которой объявил, что хочет стать бардом. После чего обнял мать, скупой улыбнулся застывшему и еще не пришедшему в себя от потрясения отцу и, взяв под уздцы любимую лошадь (такую же пацифистку, как и он), ускакал, не дожидаясь, когда все опомнятся. Через минуту после того как затих звон копыт, невеста вытащила из ножен кинжал и пообещала найти и зарезать жениха лично. Так ее за все сто лет жизни не унижал никто. Мать эльфа и прочие родственники растерянно переглянулись и... сели за стол: то ли горевать, то ли праздновать отъезд из племени одного из самых непутевых его сынов.

...И вот сейчас наш эльф — а зовут его Эзофториус или просто Фтор — едет по убитой солнцем равнине, любителю на пролетающих мимо птиц и, зевая, сочиняет новую песню. К вечеру он планирует посетить село Кукуевка, где придется поразить народ чем-то свежим и оригинальным, кроме своей внешности. А иначе парень рискует и сегодня заночевать под открытым небом, наевшись перед этим кореньев и кислых ягод. А что делать, ведь убить даже самое слабое, больное и полудохлое существо он не может. Ранимая душа новоявленного барда такого просто не выдержит.

— А если так?

Здравствуй, моя дорога-ая...
Я не вернулся из бо-оя.
Лежу в грязи, умира-аю.
Не смог выйти я из запо-оя.

Нет, это слишком тоскливо. Не заплатят. Надо что-то повеселее и поромантичнее, что ли. Вроде принцессы неплохо шли, с принцами и драконами.

Эльф сует перо в зубы, поправляет чернильницу, закрепленную у седла, и начинает шарить в одной из седельных сумок.

— Ага! — С этим радостным возгласом он достает миниатюрное подобие гитары с двенадцатью струнами и кучей мелких рычажков по бокам. Сунув бумагу и перо в сумку, парень устраивается поудобнее, сдувает розовую челку со лба и, закатив глаза в приступе вдохновения, начинает петь:

Однажды рыцарь... принцессу повстречал,
Прекрасней ликом... доселе не видал.
Глаза большие... и кожа — белый снег.
Грудь как арбузы... а талия как... как...

...Омлет? Нет. При чем тут омлет?!

Пролетающая мимо муха, привлеченная запахом недавно съеденных ягод, грузно садится на кончик носа поэта. Ее безжалостно сгоняют, просят не мешать. Муха, недовольно гудя, снова атакует столь желанный для нее нос.

— Убью, — предупреждает ее эльф.

Мухе все равно, она исследует нос.

— Н-да. Иногда быть пацифистом вредно.

И муху убивают.

— Так, на чем я там остановился? Ах да.

Грудь, как арбузы... и легок ее был бег.
Принц на колени... к ногам ее стройным пал
И умоляет... ему даровать свой стан...

Нет. Как-то пошло. Обычно принцы начинают с руки и сердца, а этот сразу все потребовал.... Хм, что тогда? Сан? Какой, однако, корыстный принц попался. Принцесса вся с педикюром, с маникюром, а ему сразу титул подавай. Хотя... сан — это вроде не титул? А, неважно. Да и мудроно для крестьян. Лучше про природу! Это им ближе.

Птички, цветочки, стрекочут цикады.
Работать сегодня нам явно не надо.
Пойдем и напьемся в ближайшей таверне.
Красотку разыщем и... чмокнем, наверно.

Припев:

Эх, жизнь моя залетная,
Всю жизнь хожу с косой.
Нет, я не смерть болотная —
Селянин холостой.

Косим и пашем с рассвета до ночи,
Косить и пахать — мы не любим уж очень.
Но надо скотину кормить ежедневно.
Разок не покормишь, и сдохнет, наверно.

Припев.

Птички, цветочки, стрекочут цикады.
На ярмарке нашему брату все рады.
Гуляем, смеемся, пусть льется вино.
Гори, моя хата, — а мне все равно.

Припев.

Эльф придирчиво изучает новое произведение. А что? И непошло, и про цветочки есть. А то предыдущая песня, посвященная природе, вызвала бурю негодования и тухлый помидор уже на втором куплете. Там как раз богомол признавался в любви цикаде среди капелек росы. Красиво так признавался, с чувством, подергивая пузиком... Но. Народ не оценил. И поесть эльфу тогда не дали, пока на ходу не сочинил новые куплеты про урожай, компост и перегной...

Н-да. Не ценят настоящего поэта. Не ценят.

Тяжелый вздох срывается с покрытых тонким слоем блеска губ и вливается в ветерок, легко и незаметно скользкий мимо.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Деревня.

Бабы с ведрами и коромыслами сгрудились у колодца, перемывают косточки односельчанам и греются в лучах заходящего солнца. Где-то на завалинке сидит петух, лениво пересчитывает численность кур. Дед Макар открыл в хате заначку и глушит самогон, страшась не успеть спрятать пятилитровую бутылку обратно в подпол до прихода жены. А трое ребятишек, сгрудившись у большой, но быстро подсыхающей лужи, старательно топят лягушку, которая то и дело пытается выпрыгнуть на берег, ловко уворачиваясь от лаптя.

— А Дуська-то, Дуська! Че учудила-то. Вчерась поросю своего взяла и к Федоту загнала. Пинками! А потом пошла домой, напялила новый платок, намедни купленный у странствующего торговца, намалевалась да и пошла его звать, чтобы открыл да поросю вернул.

— Только Федот поросю не вернул, — басом гремит соседка. — Чтоб Федот, и вернул поросю! Дура она, Дуська-то. Тепереча и без поросю, и без Федота осталась.

Дружный хохот собеседниц заглушает кваканье удирающей лягушки. Все с восторгом вспоминают вчерашнюю сцену, во время которой злая Дульсиня (крупная баба давно уж не девичьих лет) ломала калитку, угрожая щуплому Федоту не только свадьбой, но и ее последствиями прямо здесь и сейчас. Федот при этом, испуганно вжимая голову в плечи и напряженно сопя, волок в дом поросю.

— А что Матрона-то учудила! Видали аль нет? Эй, я с вами разго...

Но Матвеевну уже никто не слушает. Мертвая тишина падает на деревню. Даже петух отвлекается от своих кур и

заинтересованно косится в сторону забора, раздумывая, не кукарекнуть ли для разрядки обстановки и привлечения внимания. Хотя... это все равно не поможет, ибо бабы, разинув рты, смотрят на въезжающее в деревню диво дивное. Темный эльф, с кожей цвета самой черной ночи и лиловыми, чуть раскосыми глазами, поражает розовым, стоящим дыбом чубом на голове, длинными ярко-алыми ногтями и белоснежным жабо. Глаза его обведены углем, губы блестят, словно жиром намазанные, а острые, чуткие ушки едва заметно шевелятся, улавливая даже самые тихие шорохи и предупреждая своего хозяина о малейшей опасности.

— Это шо? — пищит Матвеевна, главная сплетница села Кукуевка.

— Это... а мы не перегрелись случаем? Привидится же такое, — протирает глаза Фадеевна, ее ближайшая подруга и соратница.

Худое изящное видение легко перекидывает ногу через седло и прыгает вниз, на миг обнажая в улыбке длинные парные клыки. К сожалению, стремясь произвести как можно более благоприятное впечатление на кукуевцев, эльф не смотрит, куда именно прыгает. А жаль, ибо в это время лошадь обращает внимание на вкусный куст, выпирающий между штакетин ближайшего забора, и резко рвет в сторону. Что заставляет эльфа дернуться влево, поскользнуться на жидкой лепешке и... неизящно грохнуться вниз, вспахивая носом что-то теплое, нежное и страшно вонючее.

— Э-э... мм... смотри-ка, Матвеевна, видение в Муркину лепешку упало.

— Злое какое. Сидит, ругается почему зря.

— Ага. И белоснежным платочком утирается, чисто пава.

— И волосы набок упали. Это они у него отродясь такие? Бедняжка. Хоть бы смолой мазал. Помню, у Агриппины муж светлый-пресветлый был. Чисто мышь белая. Так она его накоротко остригла да смолой каждый день и мазала. На ночь только платочек одевала, дабы подушки не испачкал.

— Ага-ага. Помню, как же. Теперь он лысый ходит.

— Видать, надоело. Или все к платочку прилипло да и отпало.

— Ну... и такое возможно.

...Встаю, кашляю, отплеываюсь и шиплю ругательства. Это ж надо, так испортить первое впечатление! Злобно кошусь на лошадь, но Молния спокойно продолжает поедать зелень и ягоды с куста, не обращая на меня ни малейшего внимания. Так, ладно. Надо восстанавливать авторитет. Как-нибудь. Изучаю шушукающийся контингент, бросающий на меня жалостливые взгляды. Краем уха слышу: «Худющий какой!» Становится тошно. Еще и живот сводит.

— Дамы!

Дамы стихают, прекращают перешептываться и заинтересованно смотрят на меня.

— Я — бард! Буду у вас в деревне сегодня петь! У кого-то тут можно остановиться?

Мне не нравится алчный блеск в их глазах. Сюда так редко заезжают гости?

— А ко мне иди, касатик, — улыбается дородная баба в цветастом платье, — Фадеевна я. Да ты не бойсь: и накормлю, и отмою. Вона худющий-то какой.

— А чегой-то это сразу к тебе? У меня уже пироги поспели! Пушай ко мне и идет!

— У меня капуста! И картошка стынет! И банька растоплена через полчаса будет! Ереме-е-е-ей!!!!

— А?! — Из избы выглядывает высокий патлатый мужичонка с объемным круглым пузом и туповатыми глазками.

— Топи баньку!

— Не надо, Еремей! У меня банька не хуже твоей будет!

Прижав острые уши к голове, отступаю на шаг назад. Давненько мне так бурно не радовались. Полное ощущение того, что еще немного, и меня просто разорвут на сувениры, растащат по избам.

— Я... пожалуй, пойду с Фадеевной. Она все-таки первой предложила, — влезаю в разговор.

Бабы стихают. Фадеевна выходит вперед, гордо поправляет подол платья, легко поднимает коромысло с двумя наполненными доверху ведрами и подходит ко мне. Стараюсь не пятиться. Но женщина все же, право, на мой взгляд, крупновата.

— На. Пошли, касатик.

Покачиваюсь под тяжестью коромысла, едва не падаю.

Но меня удерживают, хватают за шкуру и, гордо задрав нос, тащат в хату, обнесенную слегка покосившимся забором.

— Где петить-то вечером будешь, касатик? — уточняют стоящие у колодца бабы.

— В трактире!

— А нету у нас трактира-то.

— У старосты будет петить, — отвечает Фадеевна, не оглядываясь. И, тряхнув гривой тяжелых, заплетенных в косы волос, с грохотом закрывает за собой дверь.

В доме меня усаживают на лавку, быстро собирают на стол, дают в лоб пробегающему мимо ребятенку с куском сахара в грязных руках и садятся напротив, подпирая подбородок кулаком и изучая смущенную физиономию гостя.

— Ты б шоль умылся... Воняет... — ласково добивают тонкую ранимую натуру, рискнувшую взяться за ложку.

Я смущенно повожу ушами и выскакиваю наружу, ища умывальник.

Возвращаюсь через пять минут чистым и благоухающим благодаря мылу местного изготовления. Хозяйка одобрительно кивает, а я сажусь за стол, уже более спокойно беру ложку в руки и приступаю к трапезе, состоящей из отварного картофеля, компота, кислой капусты и пирожков с яблоками.

Фадеевна задумчиво изучает мокрые, струящиеся по плечам эльфа розовые пряди волос. Теперь они выглядят чуть темнее и не так пугают. Вокруг глаз больше нет темных кругов, и фиалковые радужки ярко блестят из-под длинных черных ресниц. Сердце Фадеевны сжимается. Была бы лет на двадцать моложе да без мужа... надела бы лучшее платье, нарядилась бы поярче да и совратила бы эту худющую прелесть.

Эльф шевелит ушами и нервно косится на хозяйку.

— Да ты ешь, ешь. Вон какой костлявый. Как еще поешь да не задыхаешься на вдохе? Подбавить картошечки?

Гость отрицательно качает головой.

— Тогда ватрушек! С творогом. Своим, деревенским.

— Ну... — задумчиво откликается эльф, дожевывая пятый пирожок.

— Ага. Щас принесу.

Заезжий задумчиво смотрит ей вслед и чихает. Из-под

стола вылезает чумазая мордашка ребятенка и, открыв рот, заинтересованно смотрит на незнакомца.

— Привет, — улыбается эльф, демонстрируя острые края белоснежных клыков.

Глаза ребенка расширяются, а сам он ныряет обратно под стол.

— Пока, — произносит гость слегка растерянно.

Ребенок не отвечает, вспоминает сказки о зубастых темнокожих чудищах, обожающих похищать детей и долгими зимними вечерами поедать их у костра. И хоть конкретно это чудовище сильно опасным не выглядит, осторожность никогда не повредит.

Вечером эльфа насильно затаскивают в баню, где отпаривают, хлещут вениками, доводят до предынфарктного состояния и выпускают, а точнее, выносят через час с красным лицом и обмякшим ирокезом. Потом, подумав немного, парня окатывают ведром колодезной воды. Вопли несчастного пугают ворон, рассевшихся на ближайших ветках растущего рядом с баней дерева. Бабы, сгрудившиеся у забора, хихикают и с интересом наблюдают за экзекуцией, проводимой над «нелюдем».

В дом он забегает сам, одевается в свое и, дрожа от холода, постоянно напоминает себе о том, что является пацифистом.

Потом Фтор настраивает струны и распевается в деревянной будочке недостроенного туалета (ибо это единственное место, где его беспокоить не решаются). А когда вечереет, надевает парадную ярко-голубую шелковую рубашку с кружевными длинными манжетами, особым лаком ставит игольчатый ирокез на голове и интенсивно очерчивает глаза черным угольком. Лицо, чуть тронутое белоснежной пудрой, выглядит несколько пугающе (а в ночной тьме и вовсе создает впечатление белого овального пятна, плывущего в неизвестном направлении). Композицию завершают кожаные штаны, на которых закреплены двадцать цепочек и пять метательных звездочек. Все гремит и переливается. Эльф смотрит в начищенный до зеркального блеска таз и остается собой крайне доволен.

У выхода из дома его уже ждут мужики с факелами и бабы в нарядных платьях. Кукуевка стоит в стороне от рас-

хожих дорог и троп, а потому сюда заезжают очень и очень редко. Купцы в последний раз были и вовсе лет тридцать назад. Но о них до сих пор вспоминают и бережно хранят купленные безделушки.

— Э-э... мм... всем привет! — Эльф удивленно оглядывается и нервно сжимает в руках инструмент. — Ну что... пошли?

И они идут. По деревне. Вдалеке тихо завывают волки, где-то высоко кричит голодная птица, а к окнам домов прилипают мордашки детворы, которую вроде бы уложили спать.

Бабы начинают что-то тихо напевать. Эльф нервно прислушивается и не решается открыть рот...

Зато в небольшой тесной комнатке дома местного старосты после пятой кружки вина расходится так, что поет аж три песни из своего репертуара: про эльфа и цветочек (его любимая, но, к сожалению, никого не вдохновившая), про красавицу и чудовище (бабы поахали, мужики нахмурились) и про крестьян (ту, которую сочинил совсем недавно). Последняя песня проходит на ура. Припев заучивают мгновенно, остальное приходится исполнять на бис раз пятнадцать!

А вообще гуляют тут знатно. На столе стоят тазы с салатом, копченая свинья, колбаса, сало, картофель, репа... Да чего только нет! Одной рыбы пять сортов. Бабы то и дело пускаются в пляс, мужики вприсядку. Дети, пробравшиеся на праздник, расхватывают все самое вкусное и, устроившись под столом, довольно спят, заучивая слова песен, которые орет осипший эльф. Даже свиньи, и те не смыкают до утра глаз, прислушиваясь к воплям, ругани и громким призывам завалить еще одного поросенка (к счастью, валить никто никого не стал!). А на рассвете икающего от переедания и осипшего от пения эльфа благодарят, еще раз наливают и просят напоследок исполнить что-нибудь для души.

...Изучаю радостные рожи вокруг. Табурет, на котором сижу, уютно покачивается (его установили на центральный стол, чтобы меня всем было видно). А внутри так тепло и уютно, словно в рот залетел ночной светлячок, а я случайно его проглотил. Для души... Ик. Чего бы им для души-то

спеть-то? Эх! Скалюсь в хищной улыбке, бью по струнам и начинаю...

В лесу за болотами синими
Средь гор и чудовищных скал
Косматый, угрюмый и сильный
Жил страшный морской адмирал.

Шок в зале. Крестьяне прислушиваются, медленно трезвеют. Воображение рисует что-то волосатое и не совсем вменяемое.

Походы и почести сгнули,
Забит он, оставлен стареть.
Все зубы из золота вынули
Соратники, чтоб им сгореть.

И вот адмирал забирается
Случайно в пещеру одну.
В цепях там сидит красавица
И тихо щебечет ему:

— Возьми меня, милый, зубастенький,
Отважный морской адмирал.
Я справлюсь со всеми напастями
И сердце девичье отдам.

Сожми мои руки прекрасные,
Целуй, и неважно — куда.
С тобой, хоть и сильно мы разные,
Союз создадим — навсегда..

— Но кто ты? — надменно спросил ее,
Снимая штаны, адмирал.
— Я дева, я ведьма Годзилла,
Тебе свою честь я отдам.

Красные щеки у баб, открытые рты у мужиков. Ага. Пошла песня, пошла...

И в темной и мокрой пещере
Познал адмирал вкус любви.
И больше не грезит о море,
Забыл про свои корабли.

В объятьях прекрасной Годзиллы
Проводит он каждую ночь,
Не зная, что кровью мужчины
Она подкрепиться не прочь.

Кто-то кричит, что все бабы — кровопийцы. Ему тут же заезжают тазом в лоб, и мужик затихает под столом, более не имея возражений. Пью из поданного мне кубка и надменно киваю парнишке, предложившему подлить еще вина. После чего оглядываю собравшихся селян слегка косящими глазами и заканчиваю трагическую историю о старике и вампире:

Все выпила леди Годзилла
И цепи сама порвала.
Покинув того адмирала,
Скитается где-то одна.

Узнать ее будет несложно,
Коль встретится вам на пути:
Красивая наглая рожа
И парные с ядом клыки.

Бурные аплодисменты. Мне наливают еще. Я выпиваю и куда-то падаю. Меня поднимают, пытаются усадить, но я снова падаю. Мы, темные эльфы, к выпивке... непривычны, что ли.

Утром, едва светлеет, меня с почестями выносят из дома, дают слегка запачканный инструмент, сажают на зевающую Молнию и отправляют в путь. Лежу на шее лошади, обнимаю ее руками и мечтаю не свалиться. В голове в неравном бою сражаются колокол и молот. Я сижу в колоколе и страдаю... Тяжела жизнь барда. И даже очень.

Мне, к примеру, сегодня так и не заплатили. Зато хоть картошки напихали. И курицу, кажется, дали. Нет, это я сам ее взял, пока меня тащили к лошади. Правда, в итоге визжащее пернатое было отобрано и водворено обратно в курятник... Ну и ладно... Я все равно овощеед, как меня называют родители. Только овощи и ем.

Н-да.

Ой, моя голова.

ГЛАВА 2

Купаюсь в озере, совращаю русалок. Гибкие тела, отличные рефлексы, прекрасные черты лиц, длинные волосы... Я в курсе того, что сногшибателен, обаятелен и просто уника-

лен. Мне это еще мама говорила. Лет до пяти. Потом я пристрастился к цветочкам и начал кричать по ночам, поднимая на ноги всех, кого только можно было.

— Красавчик, иди к нам.

Кошусь на смущенно краснеющую русалку. Знают, что утопить меня нельзя. Я же темный, а темные не тонут. И песни их на меня не действуют. Тонкий слух выявляет малейшую фальшь, и все очарование тут же пропадает. Вот мой голос — это да-а. Им можно приворожить не только русалку, но и горного тролля! Если бы я только захотел... Так что как бард я могу зарабатывать очень и очень неплохо. Главное в моей профессии — не нарваться на сородичей. А то при виде розового ирокеза и подведенных черным выразительных фиалковых глаз... Они хватаются сначала за сердце, потом за мечи и идут уничтожать позор своего народа, пока кто-нибудь еще не заметил.

Эх. Устал я бороться с невежеством. Но ничего. Когда-нибудь они поймут! Кого изгнали. Кого травили! И над кем насмеялись. Сами приползут, будут умолять спеть... а я не стану. Я злопамятный.

— Ми-илый. Ну иди же. Тебе будет хорошо со мной.

Какая наглая русалка. Задумчиво изучаю большие серебристые рыбы глаза и улыбку, обнажающую ряд острых, как иглы, зубов. Тихое шипение ее останавливает, рыбы глаза испуганно расширяются. Смотрю на свое отражение: прижатые к голове уши и обнаженные клыки.

— Гребни отсюда, — говорю ей, выдыхаю и недовольно ныряю.

Тоже мне, красавица. Эх, видела бы она наших девушек... грациозные, фигуристые, красивые. А тут рыба рыбой.

Мама...

Меня скручивают и радостно тащат вниз сразу трое. Понимаю, что так просто вырваться не получится. Придется драться. Но драка с девчонками противоречит всем моим принципам пацифизма.

Хмуро смотрю на улыбающиеся личики. Ругаюсь про себя и не дергаюсь. Ладно, рано или поздно я им все равно надоем.

Вылезаю из воды, меня трясет. Мне... больно и плохо.

Внутри все переворачивается. Как... как они могли! Я еще почти ребенок! У-у, заразы! Мой первый поцелуй. И — с ними. Я бы даже сказал, поцелуй!

Сижу, упираясь руками в грязь, скриплю зубами, опустив уши в разные стороны. С волос стекает вода. Наверное, я сейчас выгляжу очень жалко. Но для темного эльфа поцелуй — это нечто особенное. И любой другой из моего народа вышиб бы все зубы за одну только попытку завладеть своими...

— Оп-па, так тут все-таки кто-то есть?

Поднимаю голову и смотрю на расплывчатый силуэт. Незнакомый в данный момент пытается увести мою лошадь. Молния сопротивляется, активно кусается и встает на дыбы.

Вытираю глаза тыльной стороной руки и поднимаюсь с земли.

— Ты кто? — спрашиваю хрипло.

— Надо же. Темный. Ты откуда здесь взялся? Совсем еще мелкий.

— Я не мелкий. Я изящный, — выпрямляю спину и пытаюсь забыть о том, что творилось в воде.

Хихикающие русалки располагаются на противоположном берегу и томно делятся впечатлениями. Заразы.

— Хм. Ну да. Ладно. Лошадь трогать не буду, извиняюсь. Есть хочешь?

Киваю. Надо же. Эльф, причем светлый. Прямо-таки типично светлый эльф: белая кожа, белые волосы, собранные в хвост на затылке, длинные пушистые ресницы, тоже белые. На полголовы выше меня. Хотя... это еще не повод называть меня мелким, тоже мне, дылда нашелся.

— Ну чего молчишь? Иди сюда, помогать будешь. Тебе сколько лет?

— Тебе какое дело?

— Значит, совсем сопля еще. Да не шипи. Эх ты, уши прижал, глаза сощурил и думаешь — страшный?

Если бы не мой пацифизм!

— А чего с волосами стало? Прокляли?

— Это красиво! Это выражение моего внутреннего «я»! — говорю сквозь рычание.

Нет, не буду я ему помогать. Пусть сам костер разводит и готовит.

— Ясно. Твое внутреннее «я» — розовое и вздыбленное. Видел, как ты выезжал из деревни. У тебя на голове часто все так... дыбом?

— Это стиль такой. Скоро все так ходить будут.

— Надеюсь, не доживу.

— Аналогично.

На меня подозрительно смотрят.

— Эзофториус.

— А?

— Меня так зовут. Для друзей — Фтор.

— Фтор...

— Для друзей! Ты к ним не относишься.

— Понял, — кивает светлый. — А я — Аид. И для своих, и для чужих — просто Аид. Мне сто сорок лет, и я путешествую.

— Я, кстати, бард.

— Угу. И сколько тебе лет?

Скриплю зубами. Для светлых это важный вопрос. У них, в отличие от темных, эльфа считают самостоятельным только после того, как бедолаге исполнится сто тридцать. А до тех пор опека, опека и еще раз опека. Если же не повезло и ты родился девчонкой — опека вообще пожизненная, а значит, и лес покидать нельзя. Никогда. Задумчиво кошусь на светлоголового. Узнает, что мне чуть больше ста, — сдаст родителям. Хотя... кто ему позволит?

— Вчера исполнилось тысяча сто двадцать, — заявляю гордо.

Раздается тяжелый вздох. Не поверил? Ну и не надо. Фыркаю и слежу за тем, как он уходит в ближайшую рошу за дровами. Нам, к счастью, вместе путь не держать. Я, по крайней мере, в компании со светлым путешествовать не намерен, это точно. Они зануды, всегда и во всем поступают правильно и требуют того же от других. Вечно зациклены на своих законах, правилах, чести. Да и вообще, он мне чем-то сразу не понравился.

Успокоившись, но все еще продолжая бурчать под нос, лезу в мешок, изучаю продукты, которые мне дали в дорогу селяне. Так, что тут у нас? Хм, салат, брюква, картофель,

каша.... Начну с каши, тем более что тут мой любимый сорт — гречка.

Над долиной, нас лесом, над взгорьями
Разливался серебряный звон.
Солнце алою тенью раскинулось,
Заслоня ночной небосклон.
У колен моих травы шевелятся,
Изумрудные капли росы
Ярко-льдистыми искрами светятся,
Провожая ночные часы...

Светлый эльф останавливается у деревьев и слушает тихий голос паренька, сидящего у корней старого векового дуба и тихо напевающего незамысловатую песенку.

Ни одной фальшивой ноты. Ни разу не сбился. И голос... словно проникает внутрь, согревая, успокаивая и очерчивая перед глазами картины мира, сотканного словами.

Давно он не слышал подобного голоса. Последний раз такое случилось лет сто назад. И певец был одним из самых почитаемых сказителей Вечного леса.

Эльф опускает голову и усмехается. Надо же. А он решил, что просто еще один темный эльфенок вырвался из-под родительской опеки и отправился познавать мир, чтобы быть прирезанным в ближайшем городе своими же сородичами. Хотя бы за внешний вид. И как только парень умудрился дожить до своих лет? Темные ненавидят все, что не относится к таким понятиям, как сила, оружие, хитрость и честь. Их личная честь...

— Это становится любопытным! — шепчет светлый эльф и выходит из тени дерева.

Песня тут же обрывается, и на него смотрят чуть сощуренные фиалковые глаза. Острые ушки прижаты к голове, эльфеныш явно нервничает.

— Я добыл дрова. Ты бы хоть воды в котелок набрал, — говорит светлый, поднимая бровь.

Его посылают. Пожав плечами, эльф подхватывает котелок и отправляется к пруду сам. На лице его играет задумчивая полуулыбка.

ГЛАВА 3

Все думают, что быть творческой личностью легко. Знай себе сиди да бренчи весь день на гитаре или слова рифмуй по часу в день. И у тебя будет все: деньги, почести, слава, бабы... Ну это, конечно, взгляд непросвещенного селянина, который очень и очень далек от истины. Быть творцом — все равно что каждый день закатывать на огромную гору тяжеленный каменный шар. Шар уворачивается, стремится назад, выскользывает из рук. Ты сотню раз на дню готов проклясть все и вся, бросить, наконец, этот камень, уйти в ближайшую таверну и залить горе вином. (Как правило, при этом рядом оказываются «правильные» друзья, которые помогают превратить неудачную попойку в продолжительный, порой пожизненный, запой.) Ну и, конечно, над тобой потешаются все кому не лень.

Да... именно так часто и происходит. Семья, друзья, просто знакомые — все удивляются, все просят прекратить заниматься ерундой. Все в один голос талдычат о том, что камень на гору катить не стоит, так как:

1. Гора слишком высокая — сил банально не хватит, а передохнуть негде.

2. Лучше бы делом занялся. Вон, все твои друзья уже белку в прыжке разделяют, а ты все с камнем носишься.

3. Даже если закатаешь камень на вершину — он скатится с другой стороны горы.

4. Ты дурак? А зачем тебе камень? И зачем тащить его на гору?

5. А без камня забраться не пробовал? Я вот пробовал. Вчера два раза.

6. Если не прекратишь — перестанем кормить. И ешь тогда свой камень.

— Отстаньте от него, он просто больной чудаки.

На этом последнем аргументе от тебя отворачиваются все. А ты все катишь и катишь этот камень. Каждый день.

Возвращаешься, находишь его, вновь поднимаешь на вершину. А камень снова срывается. День за днем, год за годом... иногда всю жизнь.

Но если вдруг... Если очень захотеть, если желание окажется таким сильным, что руки сводит... Если все же сумеешь однажды достичь вершины и прочно установить там камень... тогда ты становишься королем мира. Пусть ненадолго. А может быть, и навсегда. Но королем *этого* мира.

Потому как если к камню привязать динамит, поджечь запал и пустить в нужную сторону, а главное, донести эту мысль до окружающих... Мм. «Как прекрасен этот мир, посмотри-и...» И вот у тебя уже куча подношений, на горе строят первые дома твоего будущего города. Люди выясняют секрет закатывания камня на гору, отдавая за знания украшения и деньги. Появляется охрана, готовая защищать тебя и камень только ради того, чтобы диктовать окружающим свои условия. Появляются люди, заинтересованные в твоём продвижении. Вокруг много тех, кто не хочет, чтобы камень упал на их крыши.

Все это сложно, но в итоге ты получаешь все. И сам решаешь, как именно распорядиться в дальнейшем жизнью и богатством.

А пока... у тебя есть камень. И гора. И улыбки окружающих, уверенных в том, что ты чокнулся.

...Изучаю стоящий колом розовый ирокез в отражении воды. Русалки восхищенно причмокивают, плавая в глубине и пытаясь заглянуть мне в глаза. Так... где моя подводка? А, вот она. Рисуем контур вокруг глаз... Изящнее, еще изящнее. Вид у барда должен быть слегка болезненным, чтобы слушатели понимали душевные терзания исполнителя. Во! В самый раз. Подобные глаза не заметить сложно. Даже при очень большом желании. Выразительные такие. А что у нас с лаком? Так и знал. Опять потрескался.

Дую на ногти. Шепчу специальное заклинание, подслушанное у девчонок. И — вуаля! Ногти чистые, лака нет. достаю из кармана пузырек с ярко-алой, страшно вонючей жидкостью. Откручиваю крышку зубами.

А теперь аккура-атненько.

— Ты что, ногти красишь?!

Инстинкты темного заставляют резко развернуться, вре-

зять ногой в лоб с разворота, одновременно достать нож из сапога и приложить его лезвием к горлу нападающего.

Сию на груди светлого эльфа, шипя и едва удерживаясь от того, чтобы не перерезать сонную артерию.

— Вот поэтому детей и не выпускают из дома, — хрипит он в ответ, косится на нож и старается не шевелиться.

Сию, пытаюсь успокоиться и начать мыслить спокойно. Н-да. Инстинкты — вещь серьезная. Даже для пацифиста. Молча изучаю палец, накрашенный аж до локтя.

— Ножик уברי.

Хмуро на него смотрю. Папа прирезал бы. Если бы его оторвали... к примеру, от охоты. Да так внезапно. Для профилактики и поддержания авторитета, так сказать. Но я не папа.

Встаю, сажусь у воды, снова колдую, счищая лак. Жалко. Кровь хищной игуаны достать сложно, а у меня остался всего один пузырек.

— Спасибо, — доносится из-за спины.

— За что?

— За то, что не убил. Видел бы ты свои глаза. Я думал, не остановишься.

— Ну ты уже старик, — отвечаю со вздохом. — А стариков убивать нельзя.

Наслаждаюсь слегка ошарашенным видом собеседника.

— Кто старик? А кому тут тысяча сто двадцать?

— Я пошутил.

— Я так и понял. Ну так сколько? — вопрошает светлый, выгнув дугой бровь.

— Пять.

— Не придуривайся. Если тебе пять, то мне десять.

— Поздравляю.

— Фтор.

— Что?

— Не груби старшим.

Кошусь на него. Лежит, закинув руки за голову, греется на солнышке и довольно продолжает перепалку. Станный он. Все светлые вроде как презирают темных. А этот разговаривает так спокойно, с издевкой, словно общение с темными для него вообще норма жизни.

— Кстати, я решил дальше путешествовать с тобой.

Кисточка с лаком заехала на палец. Хмуро изучил брак, попытался не паниковать.

— С чего бы это вдруг?

— Ты мне нравишься.

Паника медленно, но верно переросла в ужас. Слышал я о таких светлых. После определенного возраста обычные удовольствия им приедаются, и они начинают извращаться. Так отец мне говорил: находят красивого мальчика, зверски развращают его и бросают бедолагу умирать от стыда и ужаса. Правда, потом папа прибавлял, что где-то я такого эльфа уже встретил. И мне понравилось. За что я всегда вызывал родителя на бой и неизменно был бит.

— Я понял. Ты — извращенец. — Прижимаю уши к голове и стараюсь незаметно отодвинуться как можно дальше.

На меня удивленно смотрят голубыми как небо глазами.

— А?

— Небось хочешь насладиться моим невинным телом.

— Невинным, — повторяет задумчиво. — И это в возрасте тысяча ста двадцати лет. Все настолько плохо? — Участие в его голосе оказывается таким неподдельным, что мне почему-то становится себя очень жалко. Появляется желание срочно что-нибудь добавить. Мгновение спустя приходит осознание того, что надо мной нагло издеваются.

— Не родилась еще та... зараза... которая насильно вырвет мой поцелуй!

— Я убит горем.

Подозрительно на него кошусь.

— Опять издеваешься?

— Да нет. Я так! — Задумчивый взгляд, хитрая улыбка. — Ты, главное, не переживай. Я тебя нашел и теперь всегда буду рядом. Позабочусь, обласкаю...

— Стоп. — Встаю, плюнув на лак. У меня уже все руки перемазаны. Позже докрашу. — Я. С тобой. Никуда. Не пойду! Понял?! Ищи другого идиота.

И, бросив на светлого взгляд, полный презрения, подхожу к Молнии, быстро седлаю и поспешно отъезжаю, показывая напоследок еще лежащему на траве эльфу мизинец¹.

¹ Крайне неприличный знак у эльфов. — *Здесь и далее примеч. авт.*

ГЛАВА 4

Поля, вдали лес шумит листвою. У обочины то и дело мелькают в траве мелкие пичуги, перекрикиваются и выискивают червячков пожирнее. Мимо уха, гудя, пролетают три мухи, спешащие на свой мушиный банкет. Изучаю карту, покачиваясь в седле и чувствуя, как ветер пригибает ирокез.

Так, следующее село у нас стоит на болоте. И чтобы подобраться к нему, придется сделать крюк от основного тракта. Задумчиво изучаю недалекую кромку леса, прикидываю, насколько сильно мне хочется туда соваться. Тракт идет аккуратно вдоль леса, солнце слепит глаза и заставляет насекомых стрекотать с неслыханной силой. Да и жара порядком допекает, подталкивает упасть в тень разлапистых крон и отдохнуть у корней деревьев.

Гм, с одной стороны, припасов хватает, и крюк делать не хочется, а с другой — денег как не было, так и нет. Да и светлый извращенец в болото вряд ли сунется. Кстати, вот и развилка.

Лошадь фыркает и останавливается у обочины дороги, у узкой, ответвляющейся в лес, поросшей травой тропки. Внимательно ее изучаем. Молнии, кстати, она чем-то не нравится, и меня ненавязчиво пытаются провезти дальше.

— Эй, а ну стой. Нам деньги нужны. И крыша над головой.

Рыжая красавица качает головой и косит на меня правый глаз. Я это перевожу просто: тебе надо, ты и иди, а мне и тут неплохо. Смотрю на небо. Ветер крепчает, облака медленно застилают небосклон. К вечеру может пойти дождь. Не хотелось бы при этом оказаться на тракте. Ирокез намокнет, да и инструмент, хоть и в чехле, все равно может испортиться.

— Молния, надо ехать. Ну надо — и все тут. И потом, ты только представь: светлый меня догонит и... поцелует взад. С разбегу, — добавляю мрачно. — Извращенцы, они такие. Сначала тихие-тихие. А как откажешь — прорывается плотина чувств.

Молния что-то жует, склонив голову к траве и не реагируя на мои терзания.

— А я натура творческая, тонкая. Могу впасть в шоковое

состояние, и тогда ни есть, ни пить не смогу. И тебе не дам. — Ко мне поворачивают правое ухо. — Яблоки пропадут, сахар исчезнет, морковки не дождешься. Про овес и вообще молчу.

Ко мне поворачивают уже всю голову, напряженно сужают глаза. Довольно продолжаю, задрвав подбородок для пущего эффекта:

— А могу и вообще от шока с катушек съехать и... продать тебя на рынке в состоянии временного помешательства. Куплю взамен изящного вороного жеребца и буду ездить по деревням в бандане, шипастом ошейнике и с плетью...

Хм, а я не перегнул палку? Все-таки ошейник и плеть это как-то...

Тихое ржание и перестук копыт отвлекают меня от образа темного эльфа, готового мстить всему миру. С удивлением отмечаю, что мы медленно въезжаем в заросли кустов, приближаясь к лесу, а значит, и к самой деревне. Нет, ну все-таки я талантлив. Даже лошадь уболтал за какие-то три минуты.

— Милый!

Вздрагиваю и оборачиваюсь. За мной во весь опор мчится светлый. Орет, привстав в стременах, размахивает чем-то, просит подождать.

— Ой, мамочки, началось.

Молния удивленно оглядывается на меня.

— Что смотришь? Вперед! А то овса вообще больше никогда не дам!

Видимо, вид у меня совсем страшный, так как лошадь, не задумываясь, срывается в галоп. А то, как моя Молния умеет бегать, в свое время стало приятным сюрпризом даже для отца. Недаром у темных самые резвые лошади в мире.

В лес я влетаю на бешеной скорости, петляю по тропинке и практически сливаюсь с лошадыю. Как говорится, лечу на всех парах, подгоняя животное криками. Но преследователь не отстает. За спиной то и дело слышатся треск сучьев и мое имя, которое выкрикивают во весь голос.

Еще минут через пять я понимаю, что идиот. Я же темный! Я по-любому сильнее этого светлого хлюпика. Да и тропинка всего одна. Зачем я вообще пытаюсь удрать?

Резко натягиваю поводья, останавливаю лошадь. На меня гневно косятся и фыркают.

— Спокойно. Я сейчас с ним разберусь, — стараюсь говорить убедительно. Голос — ледяной, в глазах — смерть.

Молния опять фыркает, сдает чуть назад и затихает, нервно оглядываясь по сторонам в поисках приличной травы или листьев. Спрыгиваю на землю и спокойно жду эльфа посреди тропы.

— Тпру-у-у... Стой.

Перед моим лицом сверкают чужие копыта и едва не перекашивают нос набок. Мужественно стою на месте, едва заметно отклонившись назад и сохраняя предельно спокойное выражение лица. Ирокез, правда, падает. Ну и ладно.

— Чего тебе? — Так, нужно помнить, что любую проблему можно решить в ходе спокойного разговора. А не как папа: топор в глотку и кожу на барабаны.

— Тебя. — За этим следует сногшибательная улыбка блондина, откидывающего назад прекрасные волосы. Эта улыбка едва не стоила мне звания пацифиста. — Чего так внезапно убежал? Испугался?

— Нет, — отвечаю сквозь зубы.

— Хм, возникает такое ощущение, что меня немного опасаются. Чувствую себя сорвавшимся с цепи зверем... в твоих глазах.

— Поверь, цепь я могу и обратно повесить.

— Я понял. Ты в деревню? Я с тобой! — Следует еще одна ослепительная улыбка.

Вот интересно. Он и впрямь такой или просто все больше и больше входит во вкус, стараясь меня довести?

— Нет, я передумал ехать в деревню.

— Что так? Спешил, гнал во весь опор — и передумал? Что-то забыл на поляне? — уточняю с любопытством.

— Нет. Просто передумал и теперь буду с не меньшим энтузиазмом гнать в обратную сторону.

— Какая у тебя насыщенная жизнь. Вечная гонка, эмоции, огонь в глазах.

Молния недовольно косится на нас и переходит к следующему кусту. Бегать она не любит, и эту гонку припоминать станет мне еще долго.

— Мы, барды, все такие.
— Здорово. Я тоже так хочу.
— А? — застываю растерянно.
— Быть бардом, — уточняет он, пожимая плечами.
— Поверь, на деревню одного барда более чем достаточно. Вдвоем путешествовать не резонно.
— Ладно. Тогда я стану охраной.
— Я не смогу тебе платить.
— Твои глаза будут мне достаточной платой, — заявляет светлый на выдохе.

У меня дергается веко.

— Мм, прости, но это мои глаза. В долг не дам. И даже просто подержать.

— Верю. Я имел в виду, что стану смотреть в них хотя бы изредка, и этого мне будет более чем достаточно. А чего это ты такой нервный? Словно я предлагаю тебе немедленно уединиться за кустом и угрожаю фаерболом.

— Так, все. Или ты уезжаешь! Или я тебя убиваю прямо тут! Долго, мучительно и некрасиво.

Эльф хрюкает, но тут же принимает серьезный вид и задумчиво сводит брови.

— Что ж, ладно. Не судьба, значит, не судьба. Кстати, кажется, дождь начинается.

На голову действительно что-то накрапывает, медленно перерастая в частую дробь.

— Прошу прощения за нежелательное общество. Я — в деревню. А ты можешь ехать туда, куда собирался. Не смею более задерживать.

И эльф гордо проезжает мимо, огибая нас с Молнией по широкой дуге. Настороженно смотрю ему вслед, понимая, что здесь что-то не так. Но в итоге он действительно уезжает и скрывается за поворотом. Так что... так что я остаюсь стоять под проливным дождем, медленно перерастающим в потоп. Над головой сверкает молния, в отдалении грохочет так, что закладывает уши. Молния поворачивает голову и презрительно на меня смотрит.

— Ну что?!

Лошадь не отвечает. Просто разворачивается и идет по тропинке в сторону деревни. И никакие мои угрозы и уве-

щевания не могут заставить ее свернуть обратно. Умное животное прекрасно чувствует, в какой стороне можно найти тепло и уют, а в какой — долгую холодную ночь в поле под проливным дождем, да к тому же в компании придурка.

ГЛАВА 5

Эльф меня радует: пропускает вперед; дает накидку от дождя, уверяя, что она ему не нужна; кричит что-то ободряющее сквозь грохот грома и смеется над прилипшим к голове ирокезом. Впрочем, смеется он недолго. Холод и тугие струи ледяной воды делают свое дело — заставляют его затихнуть в седле.

В деревню мы въезжаем только часа через два. Я, хоть личность и закаленная, замерз страшно, ибо дожди в этой части страны необычайно холодные (ветер гонит тучи с ледников). Хорошо хоть сейчас ветра нет.

Деревня состоит из десятка домов, каждый из которых приподнят над водой и укреплен на деревянных сваях. Дорожки между домиками представляют собой конструкции из двух натянутых канатов, между которыми крепятся толстые доски, способные выдержать даже тяжело нагруженного всадника. Чувствуется, что делается все основательно и на века, такое у людей большая редкость.

При въезде в деревню в нашу сторону пускают стрелу — и чуть меня не убивают. Еле уворачиваюсь, перехватываю стрелу и швыряю ее обратно. Вскрикнувший охранник падает на помост, куда-то отползает и вопит как резаный. Стоим у крайнего домика. Ждем.

— Вы кто?

О! Делегация встречающих, наконец-то. Сижу мокрый, взъерошенный. Изучаю народ, застывший с луками под козырьком дома, и соображаю, что такого сказать, чтобы нам стали рады.

— Я бард!

Ни тени улыбки в ответ.